

А. Е. Радеев

О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ ГОВОРИТЬ «ДА» (ПО НИЦШЕ И НЕ ТОЛЬКО)*

Предметом статьи является идея Ницше об утверждении жизни. Автор показывает, что идея утверждения жизни характерна для поздних работ Ницше, и связывает ее с так называемой стадией ребенка, описываемой в легенде о трех превращениях духа. Для раскрытия заявленного тезиса автор предлагает выделить как минимум три смысла созидания ценностей и утверждения жизни: «вечное возвращение», «дарящая добродетель» и «радость». Далее в статье рассматривается опыт позитивного и негативного, анализируется, что означает «против» и что означает «за», вводятся понятия «движение-против» и «движение-за», определяются основные моменты этого движения. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о возможности сопоставления ницшевской идеи утверждения жизни с понятием движения-за.

Ключевые слова: Ницше, ценность, утверждение жизни, позитивное, негативное.

A. E. Radeev

WHAT IT MEANS TO SAY “YES” (ACCORDING TO NIETZSCHE AND NOT ONLY)

The article deals with Nietzsche's idea of affirmation of life. Author claims that the idea belongs to the late Nietzsche and is linked with the image of child in legend of spirit's transformation. To expound on the idea author gives a detailed description of some moments of value production in Nietzsche's philosophy. These moments are “eternal recurrence”, “gift-giving virtue” and “joy”. These moments are compared with the experience of the positive and the negative. In the article the two types of experience are analyzed and it is established in what sense the two refer to what is pro and what is contra. Author suggests that it is possible to invent the notions of pro-movement and contra-movement and to define some aspects of the notions. Based on this analysis, the author comes to the possibility of comparing the Nietzsche's idea of life-affirmation with the notion of pro-movement.

Keywords: Nietzsche, value, affirmation of life, the positive, the negative.

За последние десятилетия исследовательское отношение к философии Ницше изменилось в лучшую сторону. После издания на ряде языков Полного собрания сочинений Ницше в его философии не осталось темных пятен, и потому каждый может выработать свою позицию, не прибегая к услугам знатоков и изысканных толкователей. Вследствие этого отринуты явно искусственные интерпретации, которые служили определенным идеологическим интересам. Впрочем, если с такой распространенной в свое время идеологемой, как «Ницше-фашист», давно покончено, ещё можно встретить остатки других идеологем — «Ницше-гуманист» или «Ницше-христианин», — которые, не сомневаюсь, вскоре также уйдут в прошлое. Можно сказать, что исследовательское отношение к философии Ницше стало более свободным, если под свободой подразумевать отсутствие внешних ограничений.

Эта свобода позволяет быть более внимательным к самим идеям. В одном из «Несвоевременных размышлений» Ницше есть такое замечание: «Природа пускает

Радеев Артем Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная 7–9; artem_radeew@mail.ru

Radeev Artem E. — Candidate of Philosophy, Docent, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russian Federation; artem_radeew@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00429 «Концептуализация “Номо aestheticus” в современной эстетике».

философа, как стрелу, в людей; она не целится, но надеется, что стрела куда-нибудь попадет» [1, с. 62]. Если признать правоту этой мысли (и не развивать эту смелую метафору через ее преломление на отечественной почве, где, как известно, обладателями стрел чаще оказываются лягушки), то тексты философа не имеют своего «образцового» читателя: он пересоздается, определяется в своих контурах каждый раз заново в зависимости от того, на какую почву попадает стрела. Ницше любил эту метафору стрелы: он воспроизводил ее несколько раз, а первый раздел «Сумерек идолов» так и называется: «Изречения и стрелы».

Одной из таких стрел, несомненно, является ницшевская идея говорить жизни «да». В самом простом виде эта идея выражается как «святое слово утверждения жизни». Этой идее посвящено множество фрагментов, вокруг нее выстраиваются разные смыслы, и некоторые толкователи Ницше прямо заявляют, что основной чертой философии Ницше и является это «утверждение жизни» [2, р. 3; 3, р. 169]. В самом деле, у Ницше много этого «да» и «утверждения» (немецкое «*Bejahung*» точнее связывает «утверждение» и «да»), и даже беглого взгляда достаточно, чтобы сказать, что у Ницше «да» играет большую роль.

В этой работе я хотел бы, во-первых, рассмотреть место идеи утверждения в философских построениях Ницше, а во-вторых — подобрать стрелу, брошенную Ницше этой идеей, и посмотреть на нее под углом двух опытов, которые условно обозначу как опыт позитивного и опыт негативного.

Что такое «да» у Ницше?

Если говорить о философии Ницше, то нетрудно заметить, что мотив «священного да» появляется в ней довольно часто. Ницше пишет и о «святом слове утверждения», и о «великом утверждении жизни», и о «самом радостном, самом чрезмерном и надменном утверждении жизни» [4, с. 19, 701, 730]. Также встречаются заявления об «утверждении реальности», об «утверждении и доверчивом отношении ко всему, что до сих пор запрещали, презирали, проклинали», а относительно пресловутой идеи о вечном возвращении говорится, что это «высшая форма утверждения, которая вообще может быть достигнута» [4, с. 730, 741, 743]. При всей вариативности этих «утверждений» несложно заметить, что они, во-первых, встречаются исключительно в работах, написанных после «Так говорил Заратустра», и, во-вторых, вращаются вокруг одной общей темы, которую можно условно обозначить как «да» жизни, противоположное жизненному «нет».

Чтобы схватить ницшевское «да», лучше всего обратиться к тому месту, где о нем говорится наиболее развернуто. Таким местом является легенда о так называемых «трех превращениях духа» из начала «Заратустры» (хотя следы этих превращений в прямой или косвенной форме несложно найти и в других фрагментах). Напомню, что речь идет о трех стадиях, уподобленных «верблюду», «льву» и «ребенку», которые условно можно обозначить как пессимизм, нигилизм и преодоление нигилизма. Если «верблюду» свойственно нести ценности жизни, признавая их невозможность и в то же время не имея смелости отрицать их, а «лев» воплощает то отношение к жизни, которое связано со «святым Нет» жизни и в то же время с невозможностью создавать «новые ценности», то «ребенок» преодолевает «львиное» «нет» и характеризуется игрой, созиданием, утверждением ценностей жизни [4, с. 18–19].

Это место крайне важно не только для схватывания того, что имеется в виду под «да», но и для понимания всей философии Ницше. В другой работе я уже разобрал подробно эти «три превращения духа» [5, с. 24–31], поэтому отмечу только три важных момента. Во-первых, крайне важно, что легенда повествует именно о развитии, о том, «как дух *становится* верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком *становится* лев» (курсив мой. — А. Р.) [4, с. 18]. Речь идет именно о последовательных превращениях, порядок здесь, быть может, даже более важен, чем сами «превращения духа». Иными словами, нигилистическое отношение к жизни возможно только из пессимизма, который, в свою очередь, является условием всего дальнейшего движения в формах отношения к жизни. Во-вторых, важен и вектор этого превращения, своеобразной истории субъективности: лишь тот, кто прошел через пессимизм и нигилизм, способен преодолевать последний, т. е. говорить «да» жизни. Следовательно, уже сейчас можно сделать вывод о том, что есть два «да» жизни: то, которое имеет за собой историю субъективности, историю роста из «львиного» нигилизма, — и то, которое не знает этой истории, т. е. то «да», которое утверждает себя как нечто само собой разумеющееся. В-третьих, важна связь между «утверждением» и «созиданием». По сути, эти два слова Ницше использует как синонимы: лишь то утверждается, что создается, лишь то создается, что говорит жизни «Да»; нет никакой разницы между созиданием и утверждением. И наоборот: то, что не создает, — то и не утверждает.

Но если мы остановимся на этой констатации «ребячливого» «да» у Ницше, то рискуем слишком многое упустить, рискуем остаться при самом пафосе, так и не схватив проблему и ее смысл. Поэтому вторым шагом по раскрытию ницшевского «да» должно быть схватывание того, с чем же именно связывается это «святое слово утверждения».

Полагаю, что можно выделить как минимум три составляющие этого «да», которые я обозначаю схематично, полагая, что читателю знакомы все эти стороны ницшевского утверждения.

Во-первых, речь идет о прямой связи «да» и идеи вечного возвращения. Отмечу, что при всем многообразии трактовок «вечного возвращения» эта идея подразумевает как минимум два момента. Первый — что «вечное возвращение» говорит собственно о *возвращении*, т. е. о таком повторении, которое как обесмысливает повторяемое, так и придает ему смысл именно в силу самой этой бессмысленности. Смысл придается в преодолении бессмысленного повторения, в особом сочетании момента смысла и его отсутствия, — именно это выражено в словах Ницше: «дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение» [4, с. 19]. «Вечное возвращение» и есть игра, т. е. созидание и утверждение смысла, которого вне этой игры нет. Второй момент «вечного возвращения» — в том, что оно *вечное*, т. е. не предполагает остановки ни на чем созданном. Этот второй момент важен тем, что подчеркивает идею преодоления нигилизма, причем речь идет не о завершении этого преодоления, а о том, что преодоление не может быть завершенным. Идея вечного возвращения отсылает к производству, созиданию смыслов — но не к результату этого созидания; «да, для игры созидания... нужно святое слово утверждения» [4, с. 19], и утверждение, говорение жизни «Да» выражает себя в созидании, точнее — в процессе создания, а не в созданном. Как нигилизм возможно преодолевать, но не преодолеть, так и смыслы, создаваемые «ребенком», созидаются,

но не доходят до форм созданного. Если первый момент идеи вечного возвращения подразумевает направленность на созидание, ориентацию на смысл, то второй момент в чем-то противоположен первому — в нем важен сам процесс преодоления и созидания, а не созданное как результат.

Во-вторых, у Ницше идет речь о связи между «да» и особым, субъективным состоянием — радостью (в некоторых местах он называет это «легкостью»), сопутствующей утверждению жизни. Об этой радости говорится много: она то выступает антиподом аскетических идеалов, то под маской дионисического противопоставляется любым проявлениям аполлонического, то сближается с приписываемой Ницше древним грекам *amor fati*, то, наконец, выступает как «детская» игра, противоположная «львиной» серьезности. Это многообразие можно свести к одному смыслу: радость — это не удовольствие или какое-либо иное «довольство», позволяющее говорить жизни «Да», а субъективное отношение, в котором важна сама история этой субъективности. В случае с «ребенком» в радости важна история субъективности, преодолевшей «львиное» «нет» жизни; в случае с дионисическим в радости важна история ухода от аполлонического порядка и размеренности; в случае с *amor fati* важна субъективность, принимающая само становление субъекта. Именно этот момент радости позволил Ницше числить среди своих предшественников Спинозу с его «интеллектуальной любовью к богу». Эта радость — то первичное, что обнаруживает субъект, вступая на путь преодоления нигилизма; эта радость — первый признак того, что львиное «нет» обратилось в детское «да». Вместе с тем эта радость — эстетическое свидетельство того, что субъект творит смыслы, а не воспроизводит или отрицает их. «Хорошее легко, все божественное ходит нежными стопами» [4, с. 528] — в такой краткой формуле Ницше подытоживает свое понимание радости, и мы понимаем, что легкость этой «божественности» — в том, что стоит за нею, в истории становления субъекта, в «превращении духа».

В-третьих, «да» связано напрямую и с идеей дарящей добродетели. Это идея, где-то называемая у Ницше собственным именем, где-то маскирующаяся под «любовь к дальнему», называется «высшей добродетелью». Что особенного есть в даре, что он связывается с утверждением жизни? Точно не то, что дар имеет какое-то отношение к альтруизму или к заботе о другом, — эти ценности должны быть преодолены еще на стадии нигилистического отношения к жизни. В даре важна именно созидательная сторона: творить — значит дарить; лишь то, что создается, может выступать в качестве дара. Но созидание, как уже отмечалось, подразумевает историю субъективности: говорить «да» жизни в полном смысле этого слова возможно лишь преодолевая нигилизм. В таком случае и дарящая добродетель должна быть отмечена историей субъективности, историей необходимости отказа от смысла в отношении к жизни. «Дарящая добродетель» по Ницше — свидетельство необходимости утверждения жизни, на предположении дара строится идея утверждения жизни; и если «ранний» Ницше утверждал, что жизнь, если она не понимается как эстетический феномен, представляется невозможной, то «позднему» Ницше мы можем приписать другую формулу: жизнь, если она не понимается как дар, представляется невозможной. «Да послужит ваш дух и ваша добродетель (дарящая добродетель. — А. Р.), братья мои, смыслу земли: ценность всех вещей да будет вновь установлена вами! Поэтому вы должны быть борющимися! Поэтому вы должны быть созидателями!» [4, с. 55] — в этом призыве обозначены все ключевые моменты дарящей

добродетели: и то, что она подразумевает созидание (но не создание), и то, что она подразумевает процесс преодоления, и то, что она выступает одним из моментов утверждения жизни, и, наконец, то, что речь идет о необходимости дарящей добродетели для утверждения жизни.

Итак, можно сказать, что тремя составляющими ницшевского «да» являются вечное возвращение, радость и дарящая добродетель. Если попытаться выразить эти три составляющие в одной формуле, помня при этом, что ницшевское «да» связано с созиданием, то можно дать такое определение: согласно Ницше, *говорить «да» — это создавать дар, в его радости и вечном возвращении.*

Нетрудно заметить, что в этом определении представлены метафизическая (созидание, вечное возвращение), этическая (дар) и эстетическая (радость) стороны того, что значит говорить «да». Очевидно, что эти стороны не различаются между собою сущностно, мы выделяем их лишь с целью определения того, что же такое «святое слово утверждения». Но несмотря на отсутствие сущностного различия между ними, «утверждение жизни» — не просто патетический выпад Ницше, но вполне конкретная мысль, затрагивающая три стороны того, что значит говорить «да».

Какие следствия можно вывести из этого ницшевского строя размышлений? Имеет ли он лишь историко-философский характер, или же можно сопоставить этот строй с чем-то иным?

Ницшевский пафос утверждения жизни дает повод обратиться к различию между двумя видами опыта, которые я условно обозначу как опыт позитивного и негативного. В самом деле, в каком смысле говорится «да» чему-либо? Каковы особенности опыта негативного (отрицания, отторжения, непризнания)? В чем состоит опыт позитивного (утверждения, приятия, признания)? Не предоставляет ли ницшевская философия определенные ресурсы для более детального ответа на эти, казалось бы, очевидные вопросы?

Здесь я хотел бы отвлечься от философии Ницше и рассмотреть два вида движения: против чего-либо и за. В самом широком смысле первое подразумевает всё то, что включает в себя «против»: *противостояние, противодвижение, противоречие*; поспешу обозначить такой опыт негативного как *движение-против*. В самом широком смысле второе подразумевает всё то, что имеется в виду под «за»: согласие, утверждение, принятие; этот опыт позитивного я бы назвал *движением-за*. Попытаемся понять, что это значит — двигаться против и двигаться за.

Что значит «против» и «за»?

Под «против» понимают самые разные феномены — и отторжение, и неприятие, и неприятие в расчет. Иногда говорят, что «против» — это одна из форм «за» (уместно вспомнить политическую максиму «нет тех, кто против, есть те, с кем мы не договорились»), иногда — что «против» не подразумевает никаких «за» (уместно вспомнить поэтическую формулу «я всегда буду против»).

Предлагаю различать два значения «против».

Во-первых, быть «против» — значит видеть вторичность. Смысл вторичного — в его непринципиальности, т. е. в возможности обнаружить условие за обусловленным. Иначе говоря, видеть вторичность — значит видеть что-то иное как первичное. В этом смысле быть против чего-то — значит считать что-то настолько незначитель-

ным, что оно не заслуживает даже внимания. Например, если кто-то говорит, что он *против* космизма, то имеет в виду, что считает этот тип философии настолько незначительным, что нет необходимости его разбирать. Или я говорю, что я *против* того, чтобы смотреть отечественную мелодраму, подразумевая: «Как я могу смотреть это, когда еще не весь Годар просмотрен». Наконец, можно говорить, например, что Ницше *против* Гегеля, имея в виду, что он даже не считает нужным с ним спорить.

Во-вторых, быть «против» — значит видеть невозможность. Невозможное я понимаю в классической его интерпретации — как противоречивое: нечто представляется невозможным, если оно противоречит либо самому себе (внутреннее противоречие), либо чему-то, кажущемуся несомненным (внешнее противоречие). Так, я говорю, что я *против* такого-то закона, или имея в виду его несостоятельность, поскольку его разделы противоречат друг другу, или имея в виду, что он не соответствует тем нормам, которые я считаю правильными. В этом смысле можно говорить, например, что Ницше *против* Канта, имея в виду, что он находит его идеи противоречащими каким-то собственным представлениям.

Таким образом, быть против чего-то — значит видеть вторичность или противоречивость. Я вполне допускаю, что кто-то может быть *против* сказанного тут, но это «против» будет обусловлено или противоречивостью (внутренней несогласованностью сказанного или противоречием тому, что *на самом деле* сказал Ницше), или вторичностью (несущественностью сказанного по сравнению с тем, что Ницше — гуманист и т. п.).

Теперь несложно выделить и смысл «за». Быть «за» — значит видеть нечто как первичное и как необходимое. Так, я говорю, что я за философию Ницше, имея в виду, что вижу в ее положениях или в тех проблемах, о которых в ней толкуется, нечто, представляющееся мне куда более первичным и важным, чем, скажем, проблема соотношения субстанции и субсистенции. Или я могу говорить, что я за философию Делёза, подразумевая не просто ее первичность: я имею в виду, что она представляется мне вполне обоснованной и крайне необходимой.

Часто говорят, что утверждать что-либо (т. е. говорить «за») куда сложнее, чем отрицать (т. е. говорить «против»), что критиковать куда легче, чем выдвигать нечто позитивное. Причина этого в том, что движение-против представляется куда более естественным и первичным, чем движение-за: «естественней» ничего не делать, чем делать что-то, отсутствие действия первичнее, чем оно само; всякое же действие есть противодействие. Иными словами, движение-за требует больших усилий, в нем должен быть определенный избыток, поскольку оно является сопротивлением, преодолением движения-против. Поэтому при понимании движения-за мало совершить инверсию движения-против, мало выделить в «за» первичность и необходимость — должно быть нечто большее, чтобы «за» действительно было «за», а не пустой негацией «против». Что же представляет собой это большее?

Думаю, что в движении-за есть как минимум два дополнительных момента. Во-первых, движение-за подразумевает сопротивление, поэтому в нем важен не столько результат, сколько само движение в сторону «за». Важно то, что это движение в сторону «за» представляется продуктивным само по себе, безотносительно к тому, достигнет ли движение-за этого «за» или всего лишь недалеко уйдет от «против». Хорошо известная этическая максима Макмерфи из романа «Пролетая над гнездом кукушки»: «Но я хотя бы попытался» — схватывает именно этот момент движения-за.

Здесь дело не в том, что участие важнее результата, а в том, что движение-за подразумевает именно обращенность к самому движению-за: именно благодаря тому, что Макмерфи хотя бы попытался, другие впоследствии достигли большего, чем он.

Во-вторых, движение-за подразумевает, как это ни странно, и прямо противоположное: не столько обращенность к самому движению-за, сколько предполагаемый результат (победу), который именно потому, что он предполагается, уже достижим, а достижение его — лишь вопрос времени и обстоятельств. Например, в известной фразе В. Молотова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами» — схватывается именно этот аспект движения-за: победа уже предполагается как свершившаяся, необходимо лишь предпринять усилия, чтобы ее достичь. В некоторых случаях этические предписания подразумевают необходимость *уверенности*, без которой невозможны победа, достижение целей или совершение благих поступков: уверенность и есть предположение того, что цель уже достигнута, хотя для ее реализации и требуется усилия.

Таким образом, быть за что-то — значит видеть первичность или необходимость этого чего-то; подразумевается также возможность видеть само движение без примеси результата или же предположение победы. Я вполне допускаю, что кто-то может быть *за* сказанное здесь, подразумевая под этим «за» первичность сказанного (важность для понимания Ницше) или его необходимость (стройность такого понимания Ницше или возможность выхода этой стройности на что-то большее, чем Ницше). А возможно, будет иметься в виду и нечто иное: кто-то выскажется *за* написанное здесь, подразумевая, например, что эти идеи кто-то должен был высказать независимо от того, к чему они привели; или же подразумевая, что если в этой работе и есть нестыковки, она верная, поскольку достигла той цели, которой должна была достичь.

Пожалуй, самую универсальную формулу того, что такое движение-против и движение-за, дал М. Ганди в известной максиме: «Сначала тебя не замечают, потом над тобою смеются, затем с тобою борются, затем ты побеждаешь». «Тебя не замечают» — это первый смысл «против»: нечто полагается настолько мелким и незначительным, что о нем не стоит и говорить; «над тобою смеются» — это второй смысл «против»: нечто полагается настолько нелепым и противоречивым, что вызывает лишь смех. И если эти смыслы соответствуют первым двум моментам движения-за (первичность и необходимость), то два других момента движения-за удачно схвачены во второй части максимы: «с тобою борются» — здесь речь идет о самом движении борьбы, т. е. о борьбе, быть может, и без выигрыша, но уже потому становящейся позитивной, что она — борьба; «ты побеждаешь» — здесь легко заметить четвертый момент движения «за», уверенность в предполагаемой, но пока не свершившейся победе.

Итак, для различения опыта позитивного и негативного я предлагаю обратиться к моментам, составляющим движение-против и движение-за. Нетрудно заметить, что моменты ницшевского «священного слова утверждения» («да» жизни, ценностям, изменениям и пр.) коррелируют с движением-за. В самом деле, ницшевское «да» представляет собой сочетание трех моментов — этического, эстетического и метафизического, и каждый из этих моментов можно соотнести с моментами движения-за. «Да» как «дарящая добродетель» имеет этический смысл, поскольку утверждает *необходимость* дара в жизни; «да» как «радость» в жизни

имеет эстетический смысл, поскольку утверждает *первичность* чего-то; «да» как «вечное возвращение» имеет метафизический смысл, поскольку утверждает *обращенность к самому движению и победу*.

Считаю, что из этой корреляции можно сделать как относящиеся к философии Ницше, так и выходящие за ее рамки выводы.

Что касается самой философии Ницше, то «святое слово утверждения» можно понимать не только в виде пафосного восклицания «Пусть творятся ценности жизни!», но и более конкретно — как форму движения-за. В этом случае можно точнее понять, в каком смысле ценности жизни создаются. Они создаются, поскольку ценности выступают даром и необходимостью, поскольку ценности жизни соотносятся с радостью и первичностью и поскольку ценности существуют как постоянно творимые и тем самым — как преодолевающие нигилизм.

Представленный опыт позитивного и негативного позволяет не только лучше понять философию Ницше и найти в ней подтверждение самого этого опыта, но и распространить понимание движения-за и движения-против дальше, за пределы его философии. И как у Ницше преодоление нигилизма не завершается чем-то окончательным, но в то же время предстает как первичное и необходимое, так и в более широком контексте можно сказать, что движение-за не может быть остановлено на чем-то достигнутом. В этом смысле находиться в движении и значит быть за, даже если это движение-против.

Литература

1. *Ницше Ф.* Странник и его тень. М.: REFL-book, 1994. 400 с.
2. *Reginster B.* The Affirmation of Life: Nietzsche on overcoming nihilism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. 312 p.
3. *Hamilton C.* Nietzsche on Nobility and the Affirmation of Life // Ethical Theory and Moral Practice. 2000. Vol. 3, No. 2. P. 169–193.
4. *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. / сост., ред., автор прим. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
5. *Радеев А. Е.* Ницше и эстетика. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 304 с.

Статья поступила в редакцию 10 июня 2014 г.